

Глава 29. Скорбные вести (Часть 2)

Прошло немало времени, прежде чем Ху Чжунфа наконец сумел совладать с чувствами. Троица вышла во внутренний двор и в молчании опустилась на стулья.

Цинь Юэцзин вынес из комнаты пачку сигарет и протянул мужчинам. В саду воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь едва слышным треском тлеющего табака.

Когда-то Цинь Юэцзина снесло неумное любопытство к курению; он буквально не давал прохода Цзян Чэньяну, умоляя того научить его. В конце концов тот, не выдержав натиска, сдался: не только показал, как правильно затягиваться, но и прочел целую лекцию о сортах и марках табака. Цинь Юэцзин тогда удовлетворил свой интерес, но на этом всё и закончилось. Со временем новизна ощущений стерлась, и он почти забросил это занятие. К тому же он был полностью согласен с наставником: голос — их главный инструмент, и растрачивать его попусту было бы преступлением.

Вспомнив сейчас, как одержимо он когда-то стремился попробовать всё новое и неизведанное, Цинь Юэцзин горько усмехнулся про себя. Хотя ни он, ни Цзян Чэньян не были заядлыми курильщиками, в нынешней ситуации табак стал для них единственным доступным утешением.

Ху Чжунфа жадно затянулся, выпустив густое облако белесого дыма. Под воздействием никотина буря в его душе немного утихла, и он, наконец обретя дар речи, обратился к молодым людям:

— Слушайте внимательно. Похороны вашего учителя я полностью беру на себя. Старика нужно проводить со всеми почестями, достойно и пышно, как он того заслуживает. Сейчас я свяжусь с ритуальной службой, пусть заберут тело. А вы... сходите, подберите хороший, нарядный саван. Пусть уйдет в лучший мир при полном параде.

Цзян Чэньян, задумчиво вертя в пальцах сигарету, медленно покачал головой.

— Не нужно савана, дядя Ху. Мы решили, что учитель уйдет в своем сценическом халате — в дагуа. Он всю жизнь отдал искусству сяньшэна и, думаю, хотел бы покинуть этот мир именно как мастер слова.

Ху Чжунфа на мгновение задумался и согласно кивнул. В этом решении была своя правда: старый Чжан наверняка оценил бы такой жест. Глядя на поникших, словно лишившихся жизненных сил юношей, он добавил:

— Ладно, не изводите себя так. Наша задача сейчас — проводить его красиво. Об остальном не беспокойтесь.

С этими словами он раздавил окурок в пепельнице и попытался встать. От резкого движения

его пошатнуло, но Цзян Чэньян вовремя подхватил его под локоть, не дав упасть.

— Дядя Ху, вы тоже берегите себя. Не убивайтесь так, — тихо произнес Цинь Юэцзин.

Ху Чжунфа выпрямился и с силой потер ладонями лицо, стараясь взбодриться.

— Я в порядке. Пойду. Если что понадобится — звоните в любое время.

Он тяжело похлопал Цзян Чэньяна по плечу и, не оборачиваясь, вышел со двора.

Когда за гостем закрылись ворота, Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян молча докурили, а затем, собравшись с духом, приступили к последнему долгу перед наставником. Они бережно расчесали его седые волосы, омыли тело и переодели в чистую одежду.

Теперь на кровати покоился старик в строгом традиционном халате и матерчатых туфлях. Глаза его были закрыты, а черты лица — безмятежны. Странное дело: еще недавно сероватая кожа покойного вдруг приобрела мягкий розоватый оттенок, словно он вовсе не умер, а просто погрузился в глубокий, целительный сон.

Вскоре тишину дома нарушил шум за воротами. Поняв, что прибыли сотрудники ритуальной службы, Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян вышли встречать их.

Из фургона вышли трое крепких молодых парней. Переступив порог комнаты и увидев покойного, они невольно замерли в замешательстве. Им доводилось видеть разное: людей хоронили и в дорогих костюмах, и в расшитых золотом саванах, но чтобы в сценическом халате артиста сяньшэна — такого на их памяти еще не было.

Один из рабочих, взглядевшись в лицо Чжана-хромого, внезапно оживился. Он перевел изумленный взгляд на Цинь Юэцзина и Цзян Чэньяна:

— Пойдите... Так это вы те самые артисты? Я же только сегодня утром слушал вашу запись в сети! Там еще фото было, где вы все трое вместе... Как же так? Неужели старик так внезапно ушел?

— Мир непостоянен, — лишь коротко отозвались братья.

Молодой человек сочувственно кивнул. По роду деятельности он привык к смерти, но сейчас и его проняло какое-то странное чувство горечи.

Тело мастера Чжана увезли в ритуальный зал, а Ху Чжунфа тем временем занялся организацией панихиды. Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян, купив всё необходимое, вернулись домой, чтобы обустроить поминальный алтарь и начать бдение.

Они решили не оставаться в ритуальном зале, а провести ночь дома. Им казалось, что если душа учителя действительно решит в последний раз навестить родные стены, он должен найти их здесь.

В гостиной, примыкающей к комнате наставника, на тумбе установили большой черно-белый портрет. Перед ним поставили курильницу, в которой медленно тлели три палочки благовоний. По бокам зажгли белые свечи — символы неугасимого света. Братья облачились в белые траурные одежды, повязав головы такими же лентами в знак глубокой скорби.

Никто не знал, были ли у Хромого Чжана дети или жена. По словам Ху Чжунфа, старик никогда не упоминал о семье, прожив всю жизнь в одиночестве. Но это не имело значения. «Один день наставничества — вся жизнь сыновнего долга». Они считали своим неоспоримым правом и обязанностью проводить его как родные дети, отдавая последнюю дань уважения.

Сидя на диване и глядя на фотографию улыбающегося, прищурившегося мастера, Цинь Юэцзин снова не сдержал слез:

— Брат, как думаешь... может, он предчувствовал? Помнишь, когда мы снимались все вместе, он вдруг настоял на этом портрете крупным планом?

Цзян Чэньян тяжело вздохнул:

— Наш учитель был непростым человеком. Возможно, он и впрямь ощутил приближение конца и подготовился заранее.

В тот день, когда они делали общее фото, Чжан-хромой внезапно потребовал у фотографа сделать его одиночный портрет строго в анфас. Тогда им это показалось старческим капризом, они лишь посмеивались про себя над его причудами, но послушно исполнили просьбу. А теперь этот снимок смотрел на них с траурного алтаря, вызывая смесь печали и мистического трепета.

***

Вечером, когда стало известно о случившемся, на пороге не появилось ни одного из тех богатых завсегдатаев, что обычно рукоплескали их трио. Это вызвало недоумение у Ду Шаоюаня и его друзей — они знали, что только крайне серьезная причина могла заставить артистов отменить выступление. Почуввав неладное, Ду Шаоюань позвонил сам.

— Вы с ума сошли? Почему не сообщили нам сразу о таком горе? — в его голосе слышался укор, смешанный с искренним сочувствием.

— Всё произошло слишком внезапно, — извинился Цинь Юэцзин. — Мы еще не успели прийти в себя.

— Примите наши соболезнования. Сегодня уже поздно, но завтра утром мы будем у вас, чтобы помянуть старика.

Повесив трубку, Цинь Юэцзин вернулся к брату. Бдение продолжалось.

***

На следующее утро в ворота маленького двора постучали. Ду Шаоюань, Тан Цзюнь, Чжоу Шия и Дай Синь пришли вместе, выбрав для визита сдержанную черную одежду.

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян, не смыкавшие глаз всю ночь, из последних сил старались соблюдать этикет, принимая гостей. Друзья прошли в дом, поклонились портрету учителя и зажгли благовония. После обряда все вышли во двор.

Ду Шаоюань крепко сжал плечи братьев:

— Ни о чем не беспокойтесь. В день похорон мы обеспечим кортеж. Пригоним лучшие машины, проводим деда с королевским размахом!

Чжоу Шия, утирая слезы, тихо добавила:

— Вам самим нужно держаться. Не изводите себя.

— Спасибо вам. За всё спасибо, — голос Цинь Юэцзина охрип от усталости и горя.

Перед уходом Ду Шаоюань и остальные передали братьям конверты с поминальными деньгами — «боцзинь». Это было данью традиции и правилом приличия, которое они, зная их благородные намерения, не стали оспаривать.

***

После полудня в доме появились Лили и Хэ Ифань.

Почтив память покойного, они вышли во двор. Лили, глядя на осунувшихся, с темными кругами под глазами братьев, вздохнула:

— Мои дорогие, примите соболезнования. Если что-то потребуется — только скажите. Вы мне теперь как родные братья. Если я в чем-то не смогу помочь, ваш «зять» точно всё устроит, — она кивнула на стоящего рядом Хэ Ифаня.

Гендиректор Хэ согласно кивнул:

— Обращайтесь по любому вопросу, не церемоньтесь. Старик Чжан когда-то очень выручил меня, и я этого никогда не забуду. Мы тоже пришьем машины для процессии.

Поблагодарив за поддержку, братья проводили гостей. В маленьком дворике снова воцарилась тишина.

Цзян Чэньян посмотрел на младшего брата:

— Иди, поспи немного. Я посижу.

Цинь Юэцзин покачал головой:

— Не могу. Стоит закрыть глаза — и вижу, как он смеется надо мной. Лучше ты иди, отдохни.

— Я тоже не усну, — Цзян Чэньян попытался улыбнуться, но улыбка вышла вымученной и горькой. Похлопав Цинь Юэцзина по плечу, он добавил: — Пойду, сварю кофе.

Цинь Юэцзин проводил его взглядом и тяжело вздохнул. Обернувшись к дверям дома, он вернулся на свое место. Его бдение рядом с учителем еще не было окончено.

<http://bllate.org/book/17504/1659715>